ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Кн. III.

подъ редакціей
Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

Цѣна **1** р. **50** к.

МОСКВА.
„Русская“ типо-литографія, Тверская, д. Гинцбургъ.
1889.

Мелкія этнологическія замѣтки.

1. *Къ вопросу о прозваніи Ильи Муромца.*

Новѣйшія изслѣдованія по былевому эпосу доказали, что прозваніе богатыря Ильи—„Муромецъ"—сравнительно поздняго происхожденія, что оно—дѣло поздняго пріуроченія и осмысленія ничего не говорящей сѣверной Россіи старой формы, которая дошла до насъ въ нѣсколькихъ варіантахъ: *Morowlin* (Ляссота), *Murawlenin* (Кмита Чернобыльскій), *Муровецъ* (Панкѣевъ), *Муромлянъ* (Муровлянъ?) [1]). Эту форму сближали съ Муровцемъ, Муровскимъ островомъ на Днѣпрѣ, но можно указать еще нѣсколько личныхъ и топографическихъ именъ [2]), которыя приводятъ насъ къ этому прозванію Ильи: *Муравскій* шляхъ по водораздѣлу Днѣпра и Дона (Сборникъ лѣтоп., относящ. къ ист. Ю. и З. Руси, Кіевъ, 1888, 91, 92; изслѣд. г. *Руссова* о шляхахъ), воспѣваемая въ одной волынской пѣснѣ рѣка *Муравецъ* (Житецкій, op. cit., 346), львовскій монахъ XVII в. *Murawiec* (Сборнкъ лѣт., 242), упоминаемый Длугошемъ Nicolai *Morawiec* (Ioannis Dlugossi Hist. Polon., Francofurti, 1711, т. I, XI, стр. 251 A и 270 B), и въ особенности *Моровскъ* (Черн. губ., Остер. у.)—древній Моривѣйскъ: Александровичъ („Остерскій уѣздъ", Кіевъ 1881, стр. 5, и Багалѣй, op. cit., 145, срв. 52) нашелъ первое упоминаніе о немъ подъ 1139 г., но, несомнѣнно, онъ существовалъ и раньше, такъ какъ подъ этимъ годомъ упоминается не объ его основаніи, а о томъ, что возлѣ него Ярополкъ Владиміровичъ былъ встрѣченъ посольствомъ Всеволода Ольговича. Послѣднее сближеніе тѣмъ болѣе важно, что въ былинахъ и сказкахъ объ Ильѣ Черниговщина играетъ большую роль. Любопытное указаніе объ Ильѣ даетъ Котляревскій, замѣчательный знатокъ южно русскаго быта прошлаго вѣка, разсѣявшій въ своей „Энеидѣ" массу интересныхъ указаній для исторіи южно-русской культуры. Въ числѣ лубочныхъ картинъ онъ указываетъ и картину такого содержанія:

---

[1]) А. Н. Веселовскій, Исполинъ Илья Муромецъ у Луиса де Кастильо, Ж. М. Н. Пр. 1883, Юж. р. был., вып. I, 61—64; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 261, 800; Халанскій, Былины, 27; Гильфердингъ, № 185 и т. д.

[2]) Новицкій. Указатель къ изд. врем. ком. для разб. древн. акт., т. I. Кіевъ, 1878, имена личныя, стр. 472—3: Моравецъ, Моравскіе (Муравскіе), Морановскіе, и стр. 479: Муравецъ, Муравицкіе; т. II, им. геогр., Кіевъ, 1883, стр. 517: островъ Моровинъ, с. Моровскъ (Муравскъ); стр. 527: м. Муравица, Муравскій, шляхъ; стр. 528: остр. Муравецъ.

Якъ Муромецъ Илья гуляйе,
Якъ бьйе половцивъ, проганяйе—
Якъ Переясливъ боронывъ...

(Дешевая библіотека, № 84, Энеида Котляревскаго, стр. 123). Нѣтъ никакихъ основаній заподазрѣвать достовѣрность этого показанія; желательно было бы, чтобъ южно-русскіе ученые освѣтили это указаніе, очень интересное, но сомнительное для многихъ вслѣдствіе того, что оно стоитъ совершенно одиноко.

2. *Къ малорусскимъ легендамъ объ Ильѣ Муромцѣ.*

Малорусскія легенды объ Ильѣ Муромцѣ [1]) не всегда совпадаютъ съ великорусскими былинами и сказками объ этомъ богатырѣ въ своихъ подробностяхъ. Анализъ ихъ могъ бы внести, по нашему мнѣнію, много новаго въ разработку русскаго былевого эпоса, но для этого у насъ пока нѣтъ подъ руками надлежащихъ матеріаловъ. Изъ этихъ разсказовъ наиболѣе оригиналенъ разсказъ, напечатанный г. Сумцовымъ: во второй части его Илья (называемый пророкомъ), выступаетъ въ роли разбойника, съ такими чертами, которыя приводятъ насъ къ легендамъ о кровосмѣсителѣ-разбойникѣ; когда онъ послѣ 37-лѣтняго сидѣнія появился въ полѣ, отецъ и мать его умерли со страха. Насколько мы знаемъ, эти черты въ Великороссіи неизвѣстны; онѣ примыкаютъ къ западнымъ сказаніямъ объ Ильѣ пророкѣ, по которымъ онъ убилъ отца и мать и т. д. (А. Н. Веселовскій, Разыск., вып. IV, 264, 326; Schuller, Kolinda, Hermanstadt, 1860, 28; Schott, Walach. Märchen, 281—2).

3. *Къ былинамъ о Соловьѣ-Разбойникѣ.*

Въ чудовищномъ образѣ былиннаго Соловья-Разбойника слѣдуетъ, кажется, видѣть рядъ разнообразныхъ и разновременныхъ наслоеній. Имя его есть или искаженіе какого-нибудь непонятаго народомъ имени, или отзвукъ примитивныхъ названій людей именами животныхъ. Если считать былинную и сказочную локализацію мѣстопребыванія Соловья и разбойни-

---

1) „Новости“, 1889, № 108; „Елисаветградскій Вѣстникъ“, 1889, № 92; Драгомановъ, Преданія, стр. 248—9; Кулишъ, Зап. о Ю. Р., II. 48—57; Трусѣвичъ, „Кіевлянинъ“, 1866, № 6; Trusiewicz, Kwiaty i owoce. 247—8; Rulikowski, Zbiòr, III, 1879, Dz. Etn., стр. 67—9; de Povadon, Revue Internationale, 1888, 25 іюня (К—ій, Кіев. Ст., 1888, XII, библ. 74); Петровъ, l. c., 373; Галаховъ, Ист рус. лит., I (1880), 27; Сумцовъ, Апокрифы, Кіев. Ст. 1887, XI, 419—420.

ковъ (не всегда послѣдовательно выдержанную) дѣломъ позднѣйшихъ измѣненій, то во враждебныхъ „залеганіяхъ дороги" и столкновеніяхъ Соловья и разбойниковъ съ Ильей можно видѣть поэтическіе отголоски вражды Полянъ и Сѣверянъ, христіанъ и язычниковъ (припомнимъ, что Соловей возмущаетъ Илью, хвастаясь существующимъ у него въ роду кровосмѣшеніемъ [1]); срв. лѣтописную характеристику язычниковъ—Сѣверянъ: *Багалѣй*, Ист. сѣв. земли, 95—98 и т. д.). Въ Соловьѣ можно подмѣтить отраженія типичнаго сказочанго змѣя, бортничества, апокрифической птицы Ногой и т. д. По сообщенію С. Н. Маслова въ Орловской губ., *Карачевскомъ* у. есть село „Девять Дубовъ" и „Соловьевъ Перевозъ". Желательно было бы, чтобы мѣстные жители возможно полнѣе собрали орловскія преданія о Соловьѣ: только тогда можно будетъ рѣшить, составляютъ ли эти названія отложенія былинныхъ фактовъ, или наоборотъ.

4. *Малорусскія пѣсни о Дунаѣ богатырѣ.*

Дунай принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ древне-русскимъ богатырямъ, память о которыхъ до сихъ поръ сохранилась въ Малороссіи. По свидѣтельству Стецкаго („Волынь", Львовъ, 1864, стр. 119) въ одной пѣснѣ, извѣстной въ Украинѣ и на Волыни, поется о томъ, „что Дунай Селивановичъ ходилъ въ „рудожелтомъ" кафтанѣ, носилъ черную шапочку-мурмашку (норманку) и былъ большой мастеръ играть на звончатыхъ гусляхъ. Во время одного хоровода (na jednej zabawie) понравилась ему дочь вдовы; онъ заигралъ передъ ней, уронилъ свою шапочку-мурмашку, дѣвица подняла ее—и Дунай былъ счастливъ". Существованіе пѣсенъ о Дунаѣ въ Малороссіи подтверждается Миллеромъ („Малор. нар. думы и Кобзарь О. Вересай", Древн. и Нов. Рос., 1875, IV, стр. 352), г. Драгомановымъ („Къ вопросу о слѣдахъ великор. богатыр. эпоса въ Малор.", ib. IX, 96) и г. Петровымъ („Слѣды сѣв. рус. был. эпоса въ юж. рус. нар. лит.", „Труды Кіев. Дух. Акад.", 1878, V, стр. 381—381). Вѣроятно, Дунай этихъ пѣсенъ и „Дуньче-козаче" пѣсни, помѣщенной у П. И. Житецкаго (Очеркъ звук. ист. малор. нарѣчія, стр. 310)—одно и то же, хотя, можетъ быть, „Дуньче-козаче"—искаженіе „донской козакъ". Великорусская хороводная пѣсня о Дунаѣ помѣщена у г. Пальчикова („Крестьянскія пѣсни", № 15) и у др.

---

1) Замѣчательное совпаденіе въ данномъ случаѣ представляютъ древнегреческія преданія объ Эолѣ: „tu (Aiolu) kai dôdeka paides eni megarois gegaasin, hex men thygateres, hex d'hyiees hêbôontes enth' hoge thygateras poren hyiasin einai akoitis" (Odys X, 5—7).

5. *Тугаринъ.*

Въ литературѣ принято считать это имя искаженіемъ слова Тугорканъ. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ сближеніе его съ туганить=обижать, гнести, угнетать, придираться, неволить, нудить, силовать, или съ тугурить=чутко, внимательно остерегаться, бдительно стеречь (толковый словарь Даля)— вообще съ общеславянскимъ корнемъ туг. Кромѣ Змѣя Тугарина (=насильника?) или Тугарина Змѣевича, встрѣчается въ сказкахъ Федоръ Тугаринъ, врядъ ли имѣющій что-нибудь общее съ Тугорканомъ. Морошкинъ (Слав. именословъ, СПБ, 1867, стр. 195) указываетъ нѣсколько славянскихъ именъ отъ корня туг (Туганинъ, Туганъ и т. д.); г. Новицкій (Указ., имена личныя, т. I, Кіевъ, 1878, стр. 719) упоминаетъ мурзу Тугай-бея. Въ виду этого сближеніе Тугарина съ Тугорканомъ кажется намъ очень сомнительнымъ; вѣроятнѣе всего, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ нарицательнымъ именемъ, которое вслѣдствіе забвенія его первоначальнаго значенія сочтено было за имя собственное.

6. *Къ пѣснямъ и былинамъ о Журилѣ-Чурилѣ-Цюрилѣ.*

Г. Кандинскій въ своей статьѣ: „Матеріалы по этн. сысольскихъ и вычегодскихъ Зырянъ“ приводитъ, со словъ одного старика, любопытное извѣстіе о томъ, что Чурило былъ древнимъ главнымъ богомъ чуди (Этн. Об. III, 105; отсюда—чурка, незаконнорожденный ребенокъ, выраженіе: чурки буди энъ вомзясь—не испортись). Это не единственный случай обоготворенія инородцами воспѣтыхъ въ былинахъ богатырей: чуваши знаютъ Илью—бога, о которомъ они разсказываютъ то же, что русскія былины и сказки объ Ильѣ Муромцѣ (А. Н. Веселовскій, Разыск. въ обл. р. дух. ст., вып IV,351—2 со ссылкой на „Мат. къ объясн. стар. чув. вѣры“ Магнитскаго 29, 251—3). Распространенность въ славянскихъ языкахъ корня *чур.*, характеръ и исторія сказаній о Чурилѣ и т. д. врядъ-ли допускаютъ возможность заимствованія русскими Чурила отъ инородцевъ, хотя, быть можетъ, внимательный анализъ, для котораго пока очень мало матеріала, и откроетъ въ русскихъ сказаніяхъ о Чурилѣ нѣкоторыя инородческія черты, какъ и въ сказаніяхъ объ Ильѣ и т. д. Для выясненія генезиса сказаній о Чурилѣ имѣютъ громадное значеніе малорусскія пѣсни о Журилѣ-Чурилѣ-Цюрилѣ, до сихъ поръ еще очень мало изученныя (П. И. Житецкій, Очеркъ звук. ист., 317—8; Жегота Паули, гал. пѣсни, II, 149—150; Ант. и Драг., Ист.

пѣсни, I, 54—5; Чубинскій, IV, 539; Петровъ, l. c., 387; Дашкевичъ, Былины, Кіев. Унив. Изв., 1883, май, 249—250; Dzieła znakomitych pisarzów krajowych, т. I. Lwów, 1857, przypis do str 39—pisma Дунина-Борковскаго; Несецкій, Korona Polska, I, 388—9; Балинскій и Липинскій, Starożytna Polska, II, 1375; Костомаровъ, Ист. поэзія и нов. ея мат., Вѣст. Европы, 1874, XII, 593—4; Kolberg, Pokucie, I, 176; Соколовъ, Солнечные боги [1]). Откладывая подробный разборъ этихъ пѣсенъ до другого раза, отмѣчу нѣкоторыя ихъ любопытныя черты. Эти пѣсни привязываются то къ веснѣ и весеннимъ играмъ, то къ свадьбамъ: фактъ, вполнѣ объясняемый исторіей брака, которая на каждомъ шагу констатируетъ постоянный обмѣнъ между весенними и свадебными пѣснями. Несомнѣнно, что первоначально эти пѣсни были *только* весеннія; это ясно видно изъ ихъ характера. Ксеня (v. Дженджурыха?), которая въ большинствѣ этихъ пѣсенъ упоминается рядомъ съ Чуриломъ, по всей вѣроятности=ksieni галицкихъ весеннихъ игръ *брачнаго* характера (Pauli, Pieśni ludu polskiego w Galicyi, Lwów, 183?, стр. 13; Szablewska, Wesele i krzywy taniec u ludu ruskiego w okolicy Zbarażu, Zbiór, VII, 1883, Dz. etn., 132—3), т. е. аббатисса, игуменья (срв. игуменья Чурилья въ былинахъ), настоятельница женскаго монастыря [2]). Во время этихъ игръ дѣвушки часто выбираютъ себѣ предводительницъ съ названіями: королева, царица, княжна, старостиха и т. д. (очень вѣроятно, отголосокъ примитивныхъ клебберголей и дуэній; см. ст. Чернышова, Кіев. Ст., 1887, XI. 491—505; Зиберъ Еще о братствахъ, Слово, 1881, I и Очерки прим. экон культ., 277—296, 311 слѣд.). Ksieni—одинъ изъ варіантовъ такихъ названій. Въ представленіяхъ о Ksieni, какъ и о Журилѣ—Чурилѣ, легко подмѣтить смѣшеніе историко-бытовыхъ и миѳологическихъ элементовъ (брачный характеръ—и оплодотвореніе земли); изучать ихъ, конечно, только и можно въ связи съ весенними и свадебными обрядами.

Извѣстный эпизодъ о неудачномъ романѣ Чурилы съ Катериной и Ваньки ключника съ княгиней Волхонской, разобранный отчасти А. Н. Веселовскимъ (Юж. был., т. II, стр. 101 слѣд.) находитъ себѣ полную параллель въ малорусскихъ, польскихъ бѣлорусскихъ пѣсняхъ о Петрусѣ, львоскомъ кравчикѣ и т. д. [3]).

---

1) Указаніе П. Н. Милюкова.

2) Польское слово, употребляемое и галицкими русинами.

3) Zbiór, VIII, 1884, Dz. Etn. стр. 73, VII, 1883, стр. 171 и X, 194; срв. Sbornik и т. д., II, стр. 98—9; Kolberg, Pokucie II, стр. 47—50, срв.

Длугошъ (Ioannis Dlugossi seu Longin. Hist. Polon. libri XII, Lipsiae, 1711, т. I, lib. X, стр. 50, подъ 1381 г.; срв. „Висла“. 1889, I, стр. 4) сообщаетъ подобный разсказъ о „Semovitus totius tunc Masoviae unicus dux“. Конечно, такія исторіи могли часто случаться и обращать на себя вниманіе народа; сопоставленіе пѣсенъ, воспѣвшихъ такія трагическія катастрофы, можетъ быть интересно съ той точки зрѣнія, что очень часто старыя, сложившіяся по другому поводу пѣсни приноравливаются народомъ къ событіямъ болѣе позднимъ—и измѣняются въ такомъ случаѣ только имена и мелкія подробности.

7. Журъ.

Г. Сумцовъ въ своихъ статьяхъ: „Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ“ (Кiев. Ст. 1885, VII, 417 слѣд. и отд. отт., Кіевъ, 1885, 1—14) и „Культурныя переживанія“ (ib. 1889, VII, № 47, стр. 43—4) производитъ малорусскаго Журила (Чурило, Цюрило) отъ слова журъ-кисель, хлѣбное кушанье. Откладывая разборъ этой теоріи до другого, болѣе удобнаго раза, считаю нелишнимъ пополнить приведенныя г. Сумцовымъ данныя, которыя я объясняю себѣ въ совершенно иной связи и которыя имѣютъ интересъ сами по себѣ, безъ отношенія къ былинному Чурилу. По словамъ Новосельскаго (Lud ukr., l, 241) „еще недавно богомольцы разсказывали, что какой-то маляръ (соб. narodowy artysta)... нарисовалъ на стѣнѣ одного изъ кіевскихъ монастырей фигуры двухъ постныхъ кушаній малорусскихъ—Жура и Кваши. Журъ, плотный казакъ, „zarzucił wyloty, zamotał za ucho potężny oseledec, pokręca wąsa i zdaje się, że zuch ten mruga brwiami na przechodzące tamtędy dziewki i mołodyce“. Кваша же, старая, неопрятная, грязная баба, сморщилась, „заслинилась“ такъ, что смотрѣть на нее гадко,—кажется, что „скибками“ даже не взялъ бы ее“. Г. Gloger (Skarbczyk, Zwyczaje doroczne, Warsz. 1882, стр. 7) приводитъ польскую пѣсню о Журѣ—панѣ Журавскомъ въ видѣ, отличномъ отъ пѣсень, напечатанныхъ Кольбергомъ (Lud, V, 270—1), которыми руководствовался г. Сумцовъ при своихъ сближеніяхъ. „Плёнъ“ (отъ польскаго

51—2; Lud, I, 84—114; ХП, № 431; Вацлавъ зъ Олеска, 1, 514, срв. 483; Чтенія, 1863, Ш, 57—62; срв. 70; Житецкій. l. c. 311, 316. 320; Костомаровъ, Вол. пѣсни, 201; Чубинскій, Труды V, 64, 670—2, 1017; 1068, 1071; Головацкій, I, 62—4; Шейнъ, Мат. 430—431; Дмитріевъ, Опытъ, 28—29; Карпенко, Васильк. соловей. 158—9; Kolberg, Pieśni ludu polsk, 1857, I, 84—115, 303—4; Lipiński, Pieśni, ludu wielkopol., 179, Wòjcicki, Piesni, 69, 147; Pauli, польск. пѣс., 98; Wasilewski, Jagodne, стр. 194—6, и т. д.

plon, урожай, обиліе), съ которымъ г. Сумцовъ сближаетъ отчество Чурила—Пленковичъ, встрѣчается не только въ польской пѣснѣ, съ которой г. Сумцовъ познакомился по статьѣ Срезневскаго (Маякъ, 1843, XI, 53), но и во многихъ другихъ польскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ пѣсняхъ (см. „Висла", 1889, стр. 518; Головацкій, Пѣсни, IV, стр. 191—2, 200—1; Козловскій, Lud, Warsz. 1867, стр 204—5; Gloger, Zwycz, dorocz., стр. 31—8; Zbiór, VIII (1884), Dz. etn., стр. 72, № 18, Вацлавъ зъ Олеска. Гал. пѣсни, стр. 56; Шейнъ, Матеріалы, стр. 266, 270; Pauli, малор. пѣсни, стр. 51 и т. д.). Сходно съ польскимъ сербское плен—множество, обиліе.

8. Къ Бѣлорусскому народному снотолкователю г. Романова.

„Бѣлорусскій народный снотолкователь" г. Романова, напечатанный въ настоящей книжкѣ „Этнографическаго Обозрѣнія", представляетъ довольно цѣнный матеріалъ для народной символики и вообще для исторіи народныхъ повѣрій, легендъ и т. д. Не входя въ подробный разборъ его, отмѣтимъ нѣсколько небезынтересныхъ частностей.

„Луну ясную (видѣть)... ничóго, дóбро... Заходъ луны видѣть —смерть табѣ будя" (стр. 57). Это толкованіе сна примыкаетъ, конечно, къ цѣлому ряду легендъ, трактующихъ о вліяніи луны на человѣческую жизнь. По словамъ латышской сказки (В. Ѳ. Миллеръ, Сборникъ мат. по этн., II 11), однажды мѣсяцъ сказалъ солнышку: „что ты такъ чванишься, что согрѣваешь весь свѣтъ? Я вѣдь дѣлаю еще больше: я рождаю, выращиваю, содержу и умерщвляю. На меня всѣ смотрятъ, да примѣчаютъ: старикъ, идя ночью по дорогѣ, посмотритъ на меня, опершись на свою палку, и когда у меня голова кверху, а ноги и спина внизъ, то умираетъ". По малорусскимъ повѣріямъ (Чубинскій, Труды, I, 7—9, 11) луна можетъ сильно вліять на людей, животныхъ, растенія, на человѣческій возрастъ, здоровье и т. д. Вѣчные жиды малорусской легенды [1]) старѣютъ когда „мисяць старый" („старыкъ", фаза луны), и молодѣютъ когда мѣсяцъ „молодый" („молодыкъ") Такія преданія стоятъ далеко не одиноко и находится въ непосредственной связи съ примитивными воззрѣніями на луну (см. Лосіевскій, Башкирское преданіе о лунѣ въ связи съ преданіями другихъ народовъ

[1]) См. мою ст.: „Палій и Мазепа", Э. О. II, 101 (отд. 22), прим. 3; Свидницкій, Великдень у Подолянъ, Основа, 1861, окт. 52; Чубинскій, Труды. I, 10—11; А. Н. Веселовскій, Отчетъ о 22 присужденіи нагр. гр. Уварова, 177—8 и пр.

о солнцѣ и лунѣ, Изв. И. О. Л. Е., А. и Э., т. XXVIII, 145—151). Въ связи съ ними, кажется, находится и слѣдующая словинская пословица „ver sa ten už na starom mesiaci narodie“ (знач.: stary je, ubuda mu sila).[1])

„Жемчугъ (видѣть)—слезы (будутъ).“. Это толкованіе (стр. 65) представляетъ замѣчательную параллель къ „смутному сну“ Святослава въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ („сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тълковинъ великый женчюгъ на лоно“), что впрочемъ уже указано изслѣдователями, и, быть можетъ, находится въ связи съ малорусскими повѣріями о фантастической „жемчужной травѣ“ (г. Сумцовъ, „Этногр. Зам.“, Эт. Об. III, 121—2=отд. отт., Москва, 1889, стр. 11—12)

„Поймать рыбу во снѣ—забеременѣть“ (стр. 70). Срв. распрострaченныя легенды о чудесной беременности отъ уловленной особымъ образомъ рыбы (моя статья о Паліѣ и Мазепѣ, Э. О. III, стр, 95, отд. отт. 15, прим. 1 и т. д.)

9. Превращеніе въ растенія и деревья.

Преданія объ этихъ превращеніяхъ принадлежатъ къ числу очень распространенныхъ, извѣстныхъ многимъ народамъ на протяженіи многихъ вѣковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ указаны въ настоящей книжкѣ Этн. Обозр. (стр. 50—3), но этими указаніями, конечно, вопросъ далеко не исчерпывается. По малорусскимъ преданіямъ (Nowosielski, Lud, II, 149—150) братъ и сестра, не зная о своемъ родствѣ, вступили въ бракъ; узнавши, они пришли въ отчаяніе; Богъ превратилъ ихъ въ цвѣтокъ—братки (Иванъ да Марья, viola tricolor). Срв. Костомаровъ, Волын. нар. пѣсни въ Мал. лит. сборн. Мордовцева, Саратовъ, 1859, стр. 234 № 39 (братъ зъ сестрою) и стр. 236—7, № 41 (тополя); Czeczot, Pieśni wieśniacze, ks. III, стр. 66 (братъ и сестра); Neymann, Mat etnogr., Zbiór, VIII, Dz. etn., стр. 167, № 129 (тополя), стр. 292 и т. д.[2]).

10. Сонъ-трава.

Въ „Этнографическихъ замѣткахъ“ г. Сумцова, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ Этн. Обозр. (стр. 112—118, отд. отт. 2—8) разбираются довольно подробно малорусскія легенды о Сонъ-травѣ (Anemone pratensis). Считаемъ не лишнимъ попол-

---

1) Sbornik slovenskich narodnich piesni, povesti, prislovi, porekadiel, hadok, hier, obyczajov a povier, sväzok I, vo Viedni, 1870, стр. 102. № 594.

2) Еще нѣкоторыя указанія даны въ моей „Малорусской свадьбѣ“ („Труды Этн. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.“, т. VII, прим. къ пѣснѣ 220). *Н. Я.*

нить собранный авторомъ матеріалъ слѣдующей малорусской легендой, напечатанной г-жей E. S. (p. Stefanija Ulanowska, Symbolika wiosenna, Krakow, 1884, стр. 8—9). „Сонъ-трава появляется изъ земли первою и очень рано начинаетъ цвѣсти. Она—сиротка, которую злая мачеха выгоняетъ изъ земли раньше всѣхъ другихъ растеній. „Выходи же, выходи!" говоритъ она: „Не сиди въ хатѣ, тунеядецъ (próżniak),—уже всѣ цвѣты расцвѣли, тебя только нѣтъ между ними". Бѣдняжка должна повиноваться, появляется на Божій свѣтъ, но, увидѣвъ, что нѣтъ еще на землѣ ни одного изъ товарищей, печально склоняетъ головку и дремлетъ, какъ сирота".

В. Каллашъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Имп. Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Моск. университетѣ. Этнографическій Отдѣлъ Общества имѣлъ съ 15-го октября три засѣданія, въ которыхъ были доложены сообщенія гг. *В. В. Каллаша*: „Историческія лица и событія прошлаго вѣка въ народныхъ преданіяхъ"; *В. И. Ашмарина*: „О культѣ Кереметя у чувашъ"; *В. В. Кандинскаго*: „Національныя божества сысольскихъ и вычегодскихъ зырянъ"; *А. А. Казмина*: „Предварительный отчетъ объ этнографической поѣздкѣ на Донъ"; *В. М. Михайловскаго*: „О шаманствѣ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ"; *А. С. Хаханова*: „Культъ предковъ и огня у грузинъ"; *П. В. Иванова*: „Народныя легенды Харьк. губ.". Кромѣ того, было сдѣлано нѣсколько мелкихъ сообщеній и отзывовъ о новостяхъ этнографической литературы.

Членъ Отдѣла *Н. Н. Харузинъ* окончилъ обширное изслѣдованіе о лопаряхъ русскихъ и отчасти скандинавскихъ, которое уже отпечатано и въ самомъ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу. Для личнаго знакомства съ современнымъ бытомъ лопарей, г. Харузинъ предпринималъ по командировкѣ отъ Отдѣла спеціальную поѣздку на сѣверъ вмѣстѣ съ своей сестрою *В. Н. Харузиною*, которая описала свои путевыя впечатлѣнія въ вышедшей на дняхъ книжкѣ „На сѣверѣ", не лишенной живого этнографическаго интереса.

Имп. Рус. Географическое Общество въ своемъ послѣднемъ отчетѣ (за 1888 г.) сообщаетъ между прочимъ перечень

Годъ 2-й. Кн. V.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1890, № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.
Высоч. утв. Т-во Скороп. **А. А. Левенсонъ**, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, домъ Левенсонъ.
1890.

Евр.“: „Сибирь и изслѣдованія ея“. **31,33**. Къ вопросу о расахъ и племенахъ.—**35**. О рыболовствѣ въ Аральскомъ бассейнѣ.—Иностранные труды по изученію Азіи, появившіеся въ 1-ое полугодіе 1888 г., *М. Венюкова*.—**36**. Русская колонія въ Ургѣ.—**37**. Результаты недобросовѣстной торговли на сѣверѣ Сибири.—**38—39**. Административныя условія быта алтайцевъ.—**39**. *П. Головачевъ*. М. Кеннанъ въ Иртышскихъ степяхъ.—**42**. На крайнемъ сѣверѣ (Тазовскій участокъ).—**44**. Памяти Н. М. Пржевальскаго.—Вопросъ о китайской эмиграціи.—**46**. Калмыцкій Крезъ (изъ пут. замѣтокъ по Алтаю), *А. Копфера*.—**47**. Китайцы въ Сибири и на Амурѣ.—**48**. Казаки-буряты за Байкаломъ.—**49**. У карагасовъ (изъ поѣздки на Бѣлогорье).—**50**. Какъ и кѣмъ заселять окраины.—**51—52**. Судьба и будущность областныхъ музеевъ.

(*Продолж. въ слѣд. кн.*)

СМѢСЬ.

Pro domo sua.

Мои „Мелкія этнологическія замѣтки“, помѣщенныя въ III-ей книжкѣ „Этн. Обозр.“ за прошлый годъ, нашли себѣ суроваго критика въ лицѣ рецензента „Рус. Фил. Вѣст.“ (1890, I, 159). Когда я писалъ эти замѣтки, я предполагалъ, что современное состояніе нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ по русскому былевому эпосу извѣстно большинству читателей „Этн. Обозр.“ Къ моему большому разочарованію оказывается, что оно очень мало и плохо извѣстно даже представителю „Рус. Фил. Вѣст.“—изданія серьезнаго и строго-научнаго, посвятившаго себя изученію „языка, народной поэзіи и древней литературы славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа“. Настоящая моя замѣтка, такимъ образомъ, будетъ имѣть своей цѣлью не только выясненіе степени справедливости и основательности обвиненій, взведенныхъ на меня представителемъ „Рус. Фил. Вѣст.“, которому былъ порученъ разборъ III-ьей кн. „Этн. Обозр.“,—но и посильная мотивировка затронутыхъ положеній, высказанныхъ мной въ догматической формѣ только потому, что въ непререкаемости ихъ я не имѣлъ основанія сомнѣваться. Рецензентъ пишетъ:

„Въ послѣднемъ отдѣлѣ г. Каллашъ помѣстилъ рядъ мелкихъ замѣтокъ (перечисленіе). Здѣсь много интереснаго, но—увы—столь же много курьезовъ. Напримѣръ, мы читаемъ: „Новѣйшія изслѣдованія по былевому эпосу *доказали* (курсивъ рецензента), что прозваніе Ильи „Муромецъ“—сравнительно поздняго происхожденія, что оное дѣло поздняго пріуроченія и осмысленія ничего не говорящей сѣв. Россіи старой формы „въ родѣ“ Моровецъ“ (204). Г. К. не догадывается что *желающіе* (курсивъ мой) столь же свободно (?) могутъ считать доказаннымъ, что „Моровецъ“ есть южно-русская передѣлка непонятнаго на югѣ сѣв. „Муромецъ“!

Для того, чтобы оцѣнить по достоинству эту выходку, я сдѣлаю краткій экскурсъ въ исторію разработки этого вопроса. Покойный Ор. Миллеръ въ своей книгѣ „Илья Муромецъ и богатырчество Кіевское“ впервые указалъ нѣсколько старыхъ свидѣтельствъ о томъ, что Илья назывался не Муромцемъ, но

Муровцемъ, Моровлиномъ и т. д., считая это *в* явившимся изъ *м*. Въ 1874 г. на III-ьемъ Арх. Съѣздѣ онъ прочелъ рефератъ: „Великорусскія былины и Малорусскія думы", въ которомъ по поводу этого вопроса высказываетъ нѣсколько иной взглядъ (Труды III Арх. Съѣзда, II, 2867): „Въ нѣкоторыхъ полукнижныхъ разсказахъ встрѣчается форма Муровецъ; въ связи съ островомъ Муровцемъ, упоминаемымъ въ протоколѣ межевой коммиссіи для рѣшенія спора о границахъ между Межигорскимъ монастыремъ и Кіевскими мѣщанами 1713, это даетъ *нѣкоторый поводъ подозрѣвать, не выводился ли первоначальный Илья — богатырь изъ мѣстности южно-русской*, и не былъ ли *Муровецъ* принятъ за Муромца только позже, по перенесеніи былинъ на сѣверо-востокъ". Въ 1880-омъ году (Ист. рус. слов. Галахова, I, 28) онъ высказывается нѣсколько опредѣленнѣе: „въчислѣ небольшихъ островковъ на Днѣпрѣ въ „Статист. мат. для изуч. Кіева" значится *Муровскій островъ*. Не оттуда ли выводится первоначальный Владиміровъ богатырь, обращенный потомъ въ угодника, почивающаго въ пещерахъ Кіевскихъ? Перейти изъ *Муровца* въ *Муромца* могъ онъ позже—по занесеніи стараго Кіевскаго эпоса въ Суздальщину, гдѣ къ этому эпосу и долженъ былъ примѣшаться первоначально существовавшій особнякомъ эпосъ Суздальскій". Изъ этихъ выдержекъ, надѣюсь, очевидно, что Ор. Миллеръ постепенно измѣнялъ свои взгляды: считая сначала, что „Муровецъ"—искаженіе „Муромецъ", онъ мало-по-малу, со свойственной вообще ему осторожностью, переходитъ къ выводу противоположному, не указывая прямо на руководившіе имъ мотивы, но предполагая ихъ, конечно, очевидными. Какіе-же это мотивы? Имѣвшіяся у него подъ руками свидѣтельства (начиная съ XVI в.) о прозвищѣ Ильи, не только тѣ, которыя можно свести къ южно-русскимъ источникамъ (Кальнофойскій, Ляссота), но и *великорусскія* (Панкѣевъ, рукопис. сборн. прошлаго вѣка) давали форму Муровецъ--Моровецъ (но не Муромецъ), *независимо другъ отъ друга* указывая, такимъ образомъ, на болѣе *древнюю* форму, извѣстную на югѣ и *сѣверѣ* Россіи. Въ самихъ былинахъ объ Ильѣ онъ видѣлъ всю механичность его связи съ Муромомъ и, наоборотъ, крѣпкія связи съ югомъ.

Акад. А. Н. Веселовскій значительно пополнилъ подлежащій матеріалъ, собранный Ор. Миллеромъ; въ своихъ „Южно-рус. был." (вып. I) онъ привелъ извѣстіе Кмиты Чернобыльскаго (1574) объ Ильѣ Муравленинѣ и Соловьѣ Будимировичѣ; въ статьѣ: „Илья Муромецъ у Луиса де Кастильо" (Ж. М. Н. Пр. 1883, апрѣль, 220)—извѣстіе Кастильо, жившаго въ концѣ прошлаго вѣка въ Россіи и слышавшаго объ „Ilia Muravitz" „romances antiguos en redondillas"; въ началѣ прошлаго года А. Н. Веселовскій прочелъ въ Ром.—Герм. Общ. рефератъ, о финскихъ пересказахъ русскихъ былинъ, отчеты о которомъ были напечатаны въ Петерб. газетахъ и „Пантеонѣ Литературы", напечатанный въ Ж. М. Н. Пр. за этотъ годъ (мартъ, „Мелкія замѣтки къ былинамъ"); въ этой работѣ онъ привелъ *финское* названіе Ильи, *несомнѣнно зашедшее изъ Великороссіи*—Illa Muurovitsa, и впервые высказалъ очень опредѣленно свой взглядъ на этотъ вопросъ: „отмѣтимъ въ этомъ (финскомъ) пересказѣ форму прозвища: Muurovitsa, относящую насъ къ созвучнымъ: Муровецъ, Muravitz, Муравленинъ, Morowlin (въ одной рукописной побывальщинѣ конца XVIII в., у Л. Н. Майкова, Илья также названъ *Муровецъ*, а городъ, откуда онъ родомъ—*Моровъ*), которыя я считаю древнѣе вульгаты: Муромецъ" (стр. 9—10); „архаизмъ: Muurovitsa, несомнѣнно, принадлежитъ древнему русскому преданію" (стр. 18); „Моровлинъ, Муровецъ—древнее прозваніе Ильи; позже Муромлянъ, Муромецъ, въ примѣненіи къ Мурому" (стр. 22). Такое опредѣленное и рѣшительное утвержденіе, конечно, основывалось на разнообразныхъ старыхъ и новыхъ, великорусскихъ и малорусскихъ, опиравшихся на нихъ иностранныхъ и инородческихъ извѣстіяхъ.

Ор. Миллеръ и акад. А. Н. Веселовскій не стоятъ, конечно, одиноко. Чтобы не загромождать своей замѣтки выдержками, приведу мнѣнія проф. Дашкевича и г. Халанскаго, *печатавшаго свое изслѣдованіе въ „Рус. Фил. Вѣст.“*, котораго ужъ никакъ нельзя упрекнуть въ „южно-русской интригѣ“ въ дѣлѣ разработки русскаго былевого эпоса. который самъ очень откровенно признается, что его цѣль—„развѣнчать зданіе Кіевскаго эпоса“ (Был. II), очень энергично, но далеко не всегда удачно воюетъ съ „принятымъ на вѣру предположеніемъ о южно-русскомъ происхожденіи всѣхъ вообще былинъ Владиміровa цикла“ (стр. 2), который слишкомъ ужъ много отдаетъ „Руси сѣверо-восточной“. „Какое прозваніе имѣлъ въ старину нашъ герой, говоритъ г. Халанскій (I в. стр. 104),— Муромецъ или Муровецъ или Моровлинъ или какое либо другое—рѣшить трудно за недостаткомъ мѣстныхъ Суздальскихъ свидѣтельствъ. *Во всякомъ случаѣ стоять за древность формы—Муромецъ нельзя* въ виду сильнаго стремленія населенія сѣверо-восточной Руси пріурочить историческихъ (—ія?) и этическихъ (—ія?) лицъ (лица?) къ различнымъ мѣстностямъ старой Суздальщины“. Проф. Дашкевичъ (Къ вопросу о происх. рус. был., Кіев. Унив. Изв., 1883, май, стр. 248—249 прим.) говоритъ: „въ настоящее время все болѣе и болѣе становится вѣроятнымъ предположеніе, что Илья былъ пріуроченъ къ великорусской почвѣ впослѣдствіи и что первоначальная форма его прозвища была не Муромецъ, но Моровлянинъ, Моровлинъ, Муровецъ“.

Въ виду всего этого, слова: „увы“ и „курьезъ“, которыми привѣтствовалъ рецензентъ мою замѣтку относительно Ильи, являются очень странными и падаютъ на его же голову; странно называть „курьезомъ“ выводъ, который постепенно, годами росъ и подкрѣплялся, который можно встрѣтить въ работахъ такихъ замѣчательныхъ изслѣдователей былевого эпоса, какъ А. Н. Веселовскій, Ор. Миллеръ, проф. Дашкевичъ и др., который попадаетъ (правда, въ очень осторожной формѣ) въ учебникъ, который подкрѣпляется самыми разнообразными свидѣтельствами, открывающимися чуть ли не каждый годъ,—который находитъ себѣ полное подтвержденіе въ современной разработкѣ русскихъ былинъ вообще и былинъ объ Ильѣ въ частности! Конечно можно „догадываться“ относительно всего, можно строить какія угодно предположенія: „желающіе“ могутъ, конечно, предполагать что-угодно (хотя-бы и то, что Моровецъ есть южно-русская передѣлка непонятнаго на югѣ сѣв. „Муромецъ“), но нужно только, чтобы эта „догадка“ имѣла какое-нибудь основаніе и смыслъ, указанная же „догадка“ ни того, ни другого не имѣетъ. Если наиболѣе древнія извѣстія согласно, но независимо другъ отъ друга, даютъ иную форму имени, чѣмъ болѣе поздніл, то первую приходится считать болѣе близкой къ первоначальной, чѣмъ вторую; Ляссота, Кмита, Кальнофойскій слыхали ее на югѣ и могли усвоить „южно-русскую передѣлку“, но Кастильо, Финны, Панкѣевъ, авторы и записыватели рукописныхъ побывальщинъ и т. д. записали ее на сѣверѣ— и свидѣтельствуютъ, такимъ образомъ, что болѣе древняя форма не вымерла на сѣверѣ, не была совершенно вытѣснена другой формой до самаго поздняго времени; изслѣдователя, мало-мальски знакомаго съ народной поэзіей и разработкой ея, не могутъ, конечно, смущать народныя пріуроченья, хотя бы и очень укоренившіяся, ибо онъ знаетъ пріуроченья Батыя „къ Ярославлю, селу Череможскому“ (Халанскій, 105) и т. д. Эти пріуроченья въ былинахъ объ Ильѣ имѣютъ только внѣшнюю и легко отдѣлимую связь съ Муромомъ; весь онъ, вся его дѣятельность пріурочиваютъ его къ южной Руси, *куда относятъ его* нѣм. поэма XII в. *Ortnit* (Ilias von Riuzen, Reuzzen, Reuzen, Reuschen), скандинавская (XIII в.), *Тидрексага* извѣстіе объ *Ильѣ—шахъ* и, если подтвердится гипотеза А. Н. Веселовскаго, *Бравлинъ—Мравлинъ—Моровлинъ* (см. „Мелкія замѣтки къ былин.,“ Ж. М. Н. Пр. 1890, мартъ), т. е. *самыя раннія извѣстія объ Ильѣ*.

Покончивши такъ удачно съ вопросомъ о прозвищѣ Ильи, мой критикъ

переходитъ къ другому моему „курьезу“, по поводу котораго можно сказать только „увы“. „Или: Дунай принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ древне-русскимъ богатырямъ, память о которыхъ до сихъ поръ сохранилась въ Малороссіи. По свидѣтельству Стецкаго въ одной пѣснѣ (пропущ. извѣстной), на Украйнѣ и на Волыни поется о томъ, что Дунай *Селивановичъ* (курсивъ рецензента) ходилъ въ рудо-желтомъ *кафтанѣ* (тоже), носилъ черную шапочку—*мурманку* (тоже; ошибка—у меня мурмашку) и былъ большой мастеръ играть на звончатыхъ гусляхъ“ (стр. 206) Г. К. принимаетъ за чисто малорусскую—пѣсню о Дунаѣ *сынѣ Ивановичѣ*, (тоже) извѣстную по всей Великороссіи и случайно занесенную на югъ, герой которой, въ добавокъ, не имѣетъ ничего общаго съ Дунаемъ—богатыремъ“.

Упоминая малорусскія пѣсни о Дунаѣ, я пользовался не только показаніемъ Стецкаго, но и Ор. Миллера, гг. Драгоманова и Петрова, у которыхъ Дунай не называется *Селивановичемъ*. Откуда мой критикъ взялъ, что пѣсни о Дунаѣ „случайно“ занесены на югъ и что Дунай Ивановичъ не имѣетъ ничего общаго съ Дунаемъ богатыремъ? Это можетъ быть доказано только тщательнымъ анализомъ, *который до сихъ поръ не былъ никѣмъ произведенъ*,—и моя замѣтка имѣла цѣлью вызвать этотъ анализъ. Ор. Миллеръ, г. Драгомановъ, г. Петровъ и я высказали такой взглядъ, что малорусскія пѣсни о Дунаѣ существуютъ въ Малороссіи издревле и что Дунай Ивановичъ—Селивановичъ и Дунай—богатырь тождественны. Можетъ быть, это ошибка—и ошибка грубая, но доказать это можно фактами и вѣскими соображеніями, а не докторальными фразами, ни на чемъ не основанными. Такимъ образомъ, обѣ попытки рецензента найти „курьезы“ въ моихъ замѣткахъ кажутся мнѣ очень не убѣдительными, основанными на недоразумѣніяхъ и незнаніи, прикрываемомъ авторитетнымъ тономъ, которому трудно подыскать оправданіе. Другихъ „курьезовъ“ рецензентъ не указываетъ, хотя и заявляетъ таинственно, что ихъ много [1]).

Владиміръ Каллашъ.

Мелкія этнологическія замѣтки.

1. *Къ вопросу о прозваніи Ильи Муромца* *).

Подъ такимъ заглавіемъ была уже помѣщена моя замѣтка въ III-ьей книжкѣ Этн. Обозр. на 1889 (стр. 204—5). Считаю не лишнимъ пополнить приведенный тамъ матеріалъ слѣдующими новыми данными. На Волыни издревле существуетъ мѣстечко *Муравица* (Андріяшевъ, Очеркъ ист. волын. земли до конца XIV ст., стр. 68); *Моровскъ* въ древности назывался не только *Моривѣйскъ*, но и Моровіескъ (Багалѣй, Ист. сѣв. земли, стр. 149); судя по глухому указанію «Чтеній въ истор. общ Нест. Лѣтописца» (кн. II, Кіевъ, 1888 г. стр. 208—209), сближеніе древнихъ формъ прозванія Ильи съ названіемъ Моровска было сдѣлано проф. Дашкевичемъ въ его рефератѣ (еще не напечатанномъ), прочтенномъ въ Общ. Нест. Лѣтописца и вызвавшемъ какія-то возраженія В. Б. Антоновича. Нѣкоторыя свѣдѣнія о *Муравскомъ* шляхѣ у Руссова (Русскіе тракты и т. д., Кіевъ, 1876 г., стр. 47—52). Въ нѣкоторыхъ польскихъ играхъ съ брачнымъ

---

[1]) Кстати поправлю вкравшуюся въ мои „замѣтки“ опечатку: на стр. 204, прим. 1: Халанскій, Былины—не 27, а 101—102; прибавлю: Ровинскій, Рус. нар. картины, IV, 133 и т. д.

*) Новыя и очень любопытныя данныя по этому вопросу сообщены въ «Мелкихъ замѣткахъ къ былинамъ» А. Н. Веселовскаго (Ж. М. Н. Пр. 1890 г. мартъ, стр. 9—10, 18, 22.

характеромъ женихъ называется *Murawiec* или Szudrawiec (Н. А. Янчукъ, Корницкая свадьба, стр. 108); *Murzawiec* встрѣчается въ пѣснѣ, напечатанной у Липинскаго, Piosnki ludu wielkopolskiego, I, Poznań, 1842, стр. 186—187; Szudrawiec—Zbiór, II, 1878, Dz. etn., стр. 114, № 195. Малорусская легенда объ Ильѣ помѣщена также (кромѣ указанныхъ въ Этн. Обозр., III, 205) у проф. Сумцова, Очерки исторіи южно-русскихъ апокриф. сказаній и пѣсенъ, Кіевъ, 1888 г., стр. 125—6, и у Эварницкаго, (Очерки по исторіи запор. коз. и Новор. края, С.-ПБ., 1889 г. стр. 168—172).

2. *Журъ и Журило-Чурило-Цюрило.*

Въ настоящей замѣткѣ пополняется матеріалъ, приведенный въ указанныхъ выше моихъ замѣткахъ (стр. 207—210). *Лозинскій* (Ruskoje wesile, Перемишль, 1835 г. стр. 115) упоминаетъ свадебный танецъ Ciuryłło; подлясско-малорусская пѣсня о Журилѣ помѣщена у Батюшкова (Пам. рус. стар. въ зап. губ., т. VII, С.-ПБ. 1885 г., стр. 347), галицкія у Кольберга (Pokucie, II, 155—6 *), а также у Жеготы Паули (Piesni ludu Ruskiego w. Galicyi, t. II, Lwów, 1840 г., стр. 149—150), Халанскаго (Былины кіев. цикла, стр 209), Кирѣевскаго (Пѣсни, IV, прил. XCVI), А. Н. Веселовскаго, (Юж. р былины, т. II, 124). Г. Соколовъ (Старо-русскіе солнечные боги и богини, Симбирскъ, 1887 г.) совершенно произвольно отождествляетъ Журила съ Жубриломъ охотничьяго заговора; имя послѣдняго, по всей вѣроятности находится въ связи съ словами: Źuber-szkodnik, nażubrować, narobić szkody (Kolberg, Rzecz o mowie ludu wielkopolskiego, Zbior, 1877 г., I, Dz. etn.) или галицкимъ Жуберниця-жабакъ, Schwanen—Teichmuschel (Anodonta cygnea)—Словарь Желеховскаго.—Гуцулы, по устному сообщенію г. Яворовскаго, употребляютъ слово *ксся* въ значеніи: игуменья.—Къ пѣснямъ о Петрусѣ, львовскомъ кравчикѣ и т. д., могу прибавить: Lipinski, 1 с., стр. 150—152, 179—182; Головацкій, III, 14; Zbiór, II, 1878 г. Dz. Etn., стр. 80—81, № 95; Rokossowka, Wesele i piesni ludu Ruskiego ze wsi Jurkowszczyny w pow. Zwiahelskim na Wołyniu Kraków, 1883 г., стр. 22—3, № 11; Майковъ, Нов. дан. рус. эпоса, Др. и Нов. Россія, 1876, VI, стр. 197; искусственная передѣлка этихъ пѣсенъ принадлежитъ г. Буренину (Былое, С.-ПБ., 1880 г. стр. 281—4: Чурило) и г. Майкову (бѣлорусская пѣсня—Петрусь). У Сербовъ существуютъ выраженія: «о джурину петку»—о кукову дне, на куково льето, т. е. никогда, происхожденіе которыхъ очень неясно. По поводу Кукова дня и лѣта невольно напрашивается на параллель малорусская миѳическая птица - великанъ Кукъ (Kopernicki, Przyczynek do etnografii ludu Ruskiego na Wołyniu, Kraków, 1887 г., стр. 88, который поѣлъ великановъ и т. д. Конечно, это сближеніе можетъ получить свою силу только тогда, когда отыщутся въ сербскомъ фольклорѣ слѣды знакомства съ этимъ Кукомъ. Въ галицкихъ пѣсняхъ (Kolberg, Pokucie, II, стр. 235, № 435 и стр. 240, № 446) попадается олицетвореніе «*Журы*» или «*Жура*»—малор. «*Журба*»; въ великорусской пѣснѣ (Лопатинъ и Прокунинъ, Сбор. рус. нар лирич. пѣсенъ, Москва, 1889 г. I, стр. 198—9) воспѣвается „журушка»—вольная пташка, который пощипываетъ ковыль - траву, захлебываетъ ключевой водицей, заглядывается на женщинъ и т. д. Изгнаніе жура—кушанья (Zbiór, II, 1878 г. Dz. etn., стр. 16) совершалось не только въ «srodoposcie», но и великую пятницу или субботу (Gołębiowski, Lud Polski etc. Warsz. 1830 г., стр. 299). Въ параллель къ тому эффекту, который производилъ на кіевскихъ женщинъ Чурило, можно привести слова одной польской пѣсни (Wojcicki. Piesni ludu etc. Warsż. 1836, стр. 96):

---

*) Ср. ib стр. 101: jodno joko do Dżyryła, druhe do Potoka (зап. въ Ispas'ѣ, возлѣ котораго есть Потокъ и *Джуривъ*, по всей вѣроятности названія—географическія).

Oj biedaż mi z młodą żoną,
Bo mi za nią płoty łomią.
Jedni łomią, drudzy grodzą,
A wsyscy mi za nią chodzą.

Плёнъ, кромѣ указанныхъ въ моихъ зам. (ib. стр. 210) пѣсенъ, попадается еще у Головацкаго (II, 246); «Wisła», 1889 г., 734; Голембёвскаго (l. c., стр. 266), и Кольберга (Mazowsze, III, стр. 90); по указанію Н. А. Янчука это слово употребляется и въ пѣсняхъ Константин. у. Сѣдл. губ. Въ статьѣ г. Куликовскаго (Этн. Обозр. IV, 60), есть мимолетное упоминаніе о великорусскомъ обрядѣ связанномъ съ киселемъ. Желательно было бы, чтобы великорусскіе этнографы сдѣлали надлежащія разъясненія по этому вопросу, пока еще очень темному. Въ книгѣ г. Комарова: Нова збирка народнихъ малоруськихъ прыказокъ, прысливъ ивъ, помовокъ, загадокъ и замовлянь (Одесса, 1890 г., стр. 43) есть такая любопытная пословица, которая по всей вѣроятности, была отправной точкой для указанныхъ мной въ III-ьей книжкѣ Этн. Обозр. изображеній: «кваша пидъ бокы взялася, а кисиль вусы закрутывъ».

3. *Къ вопрсу объ имени Соловья Разбойника и Соловья Будимировича.*

По мнѣнію А. Н. Веселовскаго (Разыск. въ обл. рус. стиха, вып. IV, стр. 350), Соловей — „русская переголосовка собственнаго имени Славъ". Признавая вполнѣ законнымъ и правдоподобнымъ это производство, мы думаемъ, что оно не исключаетъ другихъ возможностей: нѣсколько случайныхъ подобравшихся у насъ фактовъ позволяютъ думать, что имя „Соловей" появлялось въ искусственной и народной поэзіи изъ разныхъ источниковъ. Въ латинскомъ изводѣ легенды о св. Георгіи царь, дочь котораго этотъ святой спасаетъ отъ змѣя, носитъ имя Sevius, въ греческомъ - Selbios, въ русскихъ—Селевій, *Соловей*, Селеситъ имя Sevius, въ греческомъ - Selbios, въ русскихъ—Селевій, *Соловей*, Селевинъ, Селевкій, Селѣвкѣй и т. д (ib. вып. II, 72 со ссылкой на изсл. г. Кирпичникова, „Св. Георгій и Егорій Храбрый", С.-ПБ. 1879 г., стр. 51). По мнѣнію г. Ягига въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ „самое назнаніе *Соловей* является... народно—поэтическимъ толкованіемъ имени *Саломонъ* или *Соломонъ*, а также Соломанъ (*Халанскій*, Былины Кіев. цикла, 160 со ссылкой на Archiv für Slav. Phil., I, 117). Это отчасти подтверждается тѣмъ, что „въ былинѣ объ Аникѣ оно (имя Соловья) подставилось, очевидно, на мѣсто Соломона: „Былъ на землѣ богатырь Соловей" и пр. (А. Н. Веселовскій. Разыск., вып. IV, 350).

Въ полукнижномъ сказаніи XVII в. Соловей *Мордвинъ* фигурируетъ на ряду со Скворцомъ, Дятломъ и Соколомъ—Мордвинами же (Буслаевъ, Народная поэзія, 275 - 6; Ор. Миллеръ, Илья Муромецъ, 277—8 со ссылками на Нижег. Губ. Вѣд. 1845 г. № 3; Мельниковъ, „Указ. достопримѣчательностей въ мѣстахъ, посѣщ. въ 1855 г. Госуд. Императрицей" и „Очерки Мордвы", Рус. Вѣст. 1867 г. іюнь, 494—5. Очевидно, эти имена явились слѣдствіемъ первобытнаго обычая называть людей именами животныхъ *).

Такимъ образомъ есть большая доля вѣроятности въ томъ, что имя „Соловей"—непереголосовка одного какого-нибудь имени, а слѣдствіе случайно совпавшихъ искаженій, осмысленій и заимствованій *разныхъ* именъ, фигурировавшихъ

*) Соловей употреблялось и какъ фамильное прозвище: напр. свящ. Василій Соловей (Пыляевъ, Заб. прошлое окрест. Петербурга, С.-ПБ. 1889 стр. 171; волхвъ Богомилъ—Соловей у Буслаева, Нар. поэзія 275 (со ссылкой на Татищева I, 39).

въ *разныхъ* сказаніяхъ Быть можетъ, смѣшеніе такихъ сказаній было одной изъ причинъ крайней запутанности и сложности былинъ и сказокъ о Соловьѣ Разбойникѣ.

4. *Алеша Поповичъ и Тугаринъ—Александръ Македонскій и Поръ.*

Во время поединка съ Тугариномъ Змѣевичемъ Алеша Поповичъ, не полагаясь, видимо, на свою силу, пускается на слѣдующую хитрость:

Говоритъ ему Алёша Поповичъ младъ:
„Гой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Бился ты со мною о великъ закладъ,
Биться—драться единъ на единъ,
А за тобою нынѣ силы смѣты нѣтъ
На меня Алёшу Поповича“.

Оглянулся Тугаринъ „назадъ себя,—втапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ“ (Кирѣевскій, II, стр. 78). По другой версіи (ib. стр. 72) Алёша, переодѣтый въ каличье платье, притворяется глухимъ, заставляетъ Тугарина подъѣхать къ себѣ поближе и расшибаетъ ему шелепугой голову; къ подобной же хитрости прибѣгаетъ и Илья въ малорусской легендѣ (Kulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy): онъ дѣлаетъ видъ, что кланяется змѣю изъ-за печки, бросаетъ въ него неожиданно своей тяжеловѣсной оловянной шапкой и убиваетъ его. Подобныя хитрости плохо вяжутся съ народнымъ представленіемъ о богатырѣ вообще и въ особенности, кажется намъ, не подходятъ къ общему тону былинъ объ Ильѣ и *первоначальныхъ* сказаній объ Алешѣ, насколько мы можемъ судить о нихъ по тѣмъ крохамъ, которыя извлечены изслѣдователями изъ-подъ груды позднѣйшихъ наслоеній и искаженій. По нашему мнѣнію эти хитрости—дѣло позднѣйшихъ наслоеній и, кажется, записываній Вѣроятный источникъ первой формы обмана—„Александрія“. По словамъ греч. народной книги при единоборствѣ Александра Македонскаго съ Поромъ „eis tu Poru to fusaton ginetai thorybos (Псевдокалисѳенъ: thorybos un gignetai afnô eis to tu Pôru stratopedon)“,—Поръ оборачивается и „Александръ пользуется этимъ, чтобы нанести ему ударъ. Въ сербской Александріи Александръ обманно спрашиваетъ Пора: „такова-ли вѣра твоя есть, Поре, воиска бо твоя на помошти ти идетъ“, что и заставляетъ обернуться противника. Такъ и въ греческомъ спискѣ „Александріи“, изд. А. Н. Веселовскимъ, и въ румынской народной книгѣ (А. Н. Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов., I, 388).

5. *Кожемяка—Янъ Усмошвецъ.*

Какъ извѣстно, Кожемяка (Никита или Кирило), легенды о которыхъ (мал., бѣлор. и велик.) записаны въ разныхъ мѣстахъ Россіи, обнаруживаетъ свою непомѣрную силу тѣмъ, что разрываетъ нѣсколько кожъ, вздрогнувши вслѣдствіе неожиданнаго прихода княжескихъ посланцевъ. Эта подробрость находитъ себѣ полную параллель въ лѣтописномъ разсказѣ объ Янѣ Усмошвецѣ—тоже, повидимому, кожевникѣ: по словамъ отца Яна „единою бо ми сварящю, оному же (Яну) мнущю кожу и разгнѣвася на мя, преторже черевии руками“; этотъ же Янъ показываетъ свою силу на разъяренномъ быкѣ, схвативъ его рукой за бокъ и „выня кожю съ мясы“,—подобно Тавру, который, для доказательства своей силы, „связалъ дикаго быка веревкой и повѣсилъ на рукѣ, откуда будто бы и прозваніе героя“ (А. Н. Веселовскій, ib., стр 120). Интересно, что разсказъ о разрываніи кожи сохранился въ Малороссіи и въ другомъ видѣ, столь же близкомъ къ лѣтописному преданію, какъ и легенды о Кожемякѣ: „бувъ колись хлопчыкъ (багатырь семылитокъ) и *рисъ вінъ соби дурнемъ*. Усяке ёго обиж-

дало, усяке ёго было, а винъ не одбывався (униженіе богатыря до поры до времени—мотивъ очень распространенный - долговременному безсилію и сидѣнію богатыря). *Разъ заперся винъ у свойій хати, сыдыть и дванадцять кожъ перемынайе*, а сусидъ и подглядивъ у виконце, такъ онъ ихъ *одразу такъ и перервавъ*, а пóтымъ и самъ зныкъ. Послѣдняя подробность (подглядыванье—исчезновеніе) объясняется самымъ свойствомъ малорусскихъ легендъ о „семилѣткахъ", работы и игры которыхъ не долженъ видѣть ни одинъ обыкновенный смертный (Кіев. Старина, 1889 г. мартъ, стр. 738).

6. Къ Сказанію о хожденіи русскихъ богатырей въ Царьградъ.

„Сказаніе о хожденіи русскихъ богатырей въ Царьградъ" или т. н. „богатырское слово и былины объ освобожденіи Царьграда отъ насильника создались, по всей вѣроятности, изъ пѣсенъ и сказаній о древнерусскихъ походахъ на Византію и службѣ варяго-русской дружины у византійскихъ императоровъ, которыя смѣшались на сѣверѣ съ разсказами объ единоборствѣ русскихъ богатырей съ кочевниками (въ родѣ лѣтописныхъ разсказовъ объ Янѣ и печенѣжскомъ богатырѣ, Мстиславѣ и Редедѣ, былинъ о борьбѣ Алёши Поповича или Муромца съ Тугариномъ и т. д.). Отзвуки этихъ пѣсенъ и сказаній можно видѣть въ малорусскихъ колядкахъ „объ образованіи дружиннаго отряда" (Ант. и Драг., Ист. пѣсни, I, стр. 1—5; Потебня, Кол. и щедровки, 630—647) и, можетъ быть, колядкахъ „о поединкѣ съ турскимъ царемъ" (Ант. и Драг. ib. Потебня, 700—707; Дашкевичъ, Былины, Кіев. Унив. Изв., 1883 г., 253—4 и т. д.), которыя по своей схемѣ и подробностямъ представляютъ нѣкоторое сходство съ „сказаніемъ". Содержаніе этихъ колядокъ таково. Въ полѣ стоитъ палатка, въ ней N. Возлѣ него стоятъ слуги, „держать шапочки за околычки", спрашиваютъ его, самъ ли онъ пойдетъ на войну къ Турецкому царю (турському царю, туръ-царю, невѣрному царю, турецькому и звиру-турському королю) или возьметъ и ихъ. Тотъ беретъ ихъ съ собой; пріѣзжаютъ въ Турцію (*Цареградъ*, *Цuревгородъ*)— „*стукнулы, грякнулы, якъ гримъ загрымивъ*,—блыснулы шаблямы, якъ блыскавыця" (срв. это съ крикомъ каликъ или богатырей, явившихся подъ видомъ первыхъ въ *Цареградъ* или Кіевъ, Миллеръ, Илья Муромецъ, 724 и т. д.). Происходитъ поединокъ, N. побѣждаетъ и ведетъ его въ „Руську землю" въ плѣнъ; тотъ проситъ или убить, или отпустить его. Отвѣтъ молодца такой: „повезу тебе й у свою землю, батькови на славу, врагамъ на кару". Въ общемъ схема этихъ колядокъ очень напоминаетъ схему „Сказанія": въ ней только опущенъ конецъ „Сказанія" и она представляетъ, такъ сказать, остовъ тѣхъ пѣсенъ, которыя легли въ основу „Сказанія" и соотвѣтствующихъ ему былинъ. Конечно, для того, чтобы исторической пѣснѣ переродиться въ колядку, ей нужно было пережить долгій и сложный процессъ всякихъ сокращеній, забвенія однихъ подробностей, внесенія другихъ, новыхъ и т. д. Одинъ изъ эпизодовъ „Сказанія" (отниманіе лошадей военный трофей, какъ въ германскомъ эпосѣ?) сохранился, можетъ быть, въ колядкахъ съ слѣдующимъ содержаніемъ: въ полѣ палатка, въ ней „можный панонько", играетъ 2 яблоками, 3 орѣхами (богатырская забава); онъ „выцытавъ (выигралъ?) коня (чудеснаго) та зъ-пидъ короля" (Pauli, Piesni ludu ruskiego w Galicyi, т. I, стр. 8—9; А. Н. Веселовскій, Разыск., вып. IV, 259—260; Потебня, ib 663—665 и т. д.). Къ поэтическимъ отголоскамъ походовъ на Византію примыкаетъ, повидимому, и слѣдующая пѣсня, зап. г. Пальчиковымъ (Крест. пѣсни, № 30 *):

---

*) Кстати, № 37, I этого сборника—Добрыня и Маришка (съ чертами Соловья Разбойника, какъ и № 56—Король прутскій); II—Алёша Поповичъ и Скимъ—звѣрь.

Ужъ я подойду, подойду, я подъ Царьгородъ подойду.
Ужъ я вышибу, вышибу, копьемъ стѣну каменну и т. д.

7. *Татуировка и окрашиванiе труповъ.*

Вниманіе археологовъ неоднократно останавливалось на слѣдахъ краски, которую находили на костяхъ въ древнихъ могильникахъ Россіи и присутствіе которой объяснялось различнымъ образомъ: окрашиваніемъ гробовъ, татуировкой и т. д. *). Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ только сравнительная этнологія можетъ внести свѣтъ въ этотъ запутанный вопросъ и дать точку опоры для наиболѣе вѣроятнаго рѣшенія. Въ виду этого очень интересно было бы подобрать матеріалъ относительно татуировки и окрашиванія труповъ или гробовъ у *индо-европейскихъ* народовъ. Въ III-ьей книжкѣ „Этногр. Обозр." за прошлый годъ проф. Сумцовъ (Этногр. Зам., стр. 132—3) сдѣлалъ любопытное указаніе на существованіе татуированья у католиковъ Босніи и Герцоговины (со ссылкой на Гласникъ земальскаго музея, 1889 г., III, 81—88). Въ Сициліи „w dawnych czasach różowano trupy kobiece, chcąc podnieść piękność umarłego ciała, ale kościół zakazał podobnie wstrętnej praktyki" (Marrené, Rzeczy ludowe włoskie, Wisła 1889, 810—по поводу „Usi e costumi, credenze e pregiudizi di Sicilia" Pitré). По словамъ Плинія (XXII, 1) сарматы (въ составѣ которыхъ были, по всей вѣроятности, и славяне) татуировались (В. Ѳ. Миллеръ, Осет. этюды, III, 94—5). Этими данными пока и ограничиваются, къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія по этому интересному вопросу.

8. *Чоботько или Чоботокъ.*

Сообщенныя Ляссотой и Кальнофойскимъ свѣдѣнія о богатырѣ Чоботькѣ (Ор. Миллеръ, Муромецъ, 799—800; Халанскій, Былины, 101—103; А. Н. Веселовскій, Юж. р. былины, вып. I, 32; Н. Ѳ. Сумцовъ, Оч. ист. юж. рус. апокр. сказ. и пѣсенъ, Кіевъ, 1888, 41—42 и Кіев. Стар. 1887, VI—VII, 255 -6; Потебня, Къ ист. звук. рус. яз., II, Варш., 1881, 78—9) до сихъ поръ составляютъ crux historicorum; до сихъ поръ еще остается открытымъ вопросъ, въ какихъ отношеніяхъ къ Муромцу находится Чоботько, существуютъ ли въ народной поэзіи отзвуки сказаній о немъ и т. д. А. Н. Веселовскій (l. c.) съ оговоркой, впрочемъ, сближаетъ этихъ двухъ богатырей черезъ уравненіе: чеботокъ-калига (паломническій башмакъ), откуда *калика*, каковымъ и былъ отчасти Илья. Н. Ѳ. Сумцову (l. c.) Чоботько напомнилъ слѣдующій эпизодъ изъ сборника „Преданій" Драгоманова (стр. 383): „теперъ велетнивъ и помину нема; тильки десь у церкви въ Кыиви, чи у Львови стойить тамъ нога зъ одного велытня и така, кажуть, праздорова, що ажъ до бани (купола) сягайе". Сапогъ такого великана могъ, конечно, служить могучимъ орудіемъ защиты отъ враговъ, но, къ сожалѣнію, въ самомъ разсказѣ на такой эпизодъ нѣтъ никакихъ указаній. А. А. Потебня (l. c.) сближаетъ способъ защиты Чоботька отъ враговъ съ слѣдующей подробностью малорусскихъ сказокъ: богатырь, одолѣваемый врагомъ, бросаетъ на далекое разстояніе свой сапогъ, который пробиваетъ крышу дома, гдѣ крѣпко спали его товарищи, и такимъ образомъ будитъ ихъ (Чубинскій, Труды, II, 117; Рудченко, Сказки, II,74). Въ былинахъ богатырь, застигнутый врагами, защищается осью, оглоблей и т. д. (Миллеръ, l. c., 520, 521, 618, 672, 688, 693, 695, 696, 750, 751, 799). Все это, кажется намъ, мало уясняетъ

---

*) Объ этомъ рѣчь была и на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. См. „Занятія восьмаго Археологич. Съѣзда" (М. 1890 г.), стр. 42, 189.
Ред.

дошедшіе до насъ обрывки сказаній о Чоботькѣ. Неужели-же въ европейскомъ фольклорѣ нѣтъ болѣе близкихъ параллелей? Сознавая, что пока нѣтъ возможности вполнѣ выяснить загадочную фигуру Чоботька, считаемъ не лишнимъ указать на недавно изданное извѣстіе о немъ. Въ „Отрывкѣ изъ записокъ русскаго паломника первой половины XVII в. (1610) о Кіевѣ" (Кіев. Стар. 1890, февр., 345), напеч. Архим. Леонидомъ, находится такое мѣсто: „да еще человѣкъ, именемъ *Чеботокъ*, въ пещерѣ (Кіево-Печерской Лавры) вкопалъ себя по плечи и сказалъ предъ Спасомъ: до тѣхъ мѣстъ не изыду отъ сего святаго мѣста, дондеже земля обновится къ страшному и праведному дне судному; якоже Богъ благоволитъ, тако и будетъ". Здѣсь, видимо, Чеботокъ, смѣшиваемый съ Муромцемъ, смѣшивается съ Іоанномъ Многострадальнымъ, и такимъ образомъ въ уравненіе съ двумя неизвѣстными входитъ третье неизвѣстное....

9. Къ борьбѣ Ильи Муромца съ сыномъ.

Побѣдивши своего сына Сокольничка, Илья Муромецъ его

Хватилъ за ногу, на другу наступилъ,
Нáполы Сокольничка разорвалъ.
Половину бросилъ въ Сахатарь-рѣку,
А другую оставилъ на своей стороны·
„Вотъ тебѣ половинка, мнѣ другая:
Раздѣлилъ я Сокольничка-охотничка"!

(Рыбниковъ, Пѣсни, I, стр. 80; Ор. Миллеръ, Илья Муромецъ, 25).

Къ кому обращается Илья? Для кого бросаетъ онъ первую половину? Въ жертву рѣкѣ? Сходный эпизодъ одной малорусской сказки (Рудченко, Сказки, II, 20*) позволяетъ, кажется, сдѣлать другое заключеніе. Одинъ человѣкъ попалъ послѣ кораблекрушенія въ „незнаемую" землю, встрѣтился тамъ съ „волохатой" (покрытой шерстью) женщиной и прижилъ съ нею ребенка. Когда онъ тихонько уѣхалъ на случайно подъѣхавшемъ кораблѣ, эта „людына" взяла ребенка, „положыла дытыну на землю, на одну ногу наступыла, а за другу потягла.... такъ и роздерла дытыну на дви половыны: билу половыну вкынула въ море, а ту, шо въ шерсти, закопала въ землю". Я думаю, что оба эти эпизода, совпадающіе во всѣхъ подробностяхъ, основаны на томъ (сравнительно позднемъ) принципѣ, что отецъ и мать, которымъ одинаково ребенокъ обязанъ самымъ фактомъ своего существованія, имѣютъ на него, его тѣло и жизнь, равныя права. По всей вѣроятности, та половина Сокольничка, которую Муромецъ бросилъ въ рѣку, предназначалась матери, враждебной Руси паленицѣ, которая жила гдѣ-то въ степяхъ, за рѣкой. (См. выше статью В. Ѳ. Миллера).

Владиміръ Каллашъ.

Къ вопросу объ укрощеніи змѣй.

Въ статьѣ объ „Укрощеніи змѣй", напечатанной во 2 кн. Кіевской Старины 1889 г., я собралъ матеріалъ для характеристики пріемовъ укрощенія змѣй, которыми пользовались малорусскіе знахари, причемъ высказалъ и подкрѣпилъ нѣкоторыми доказательствами мнѣніе, что искусство укрощать змѣй

*) Въ подобной сказкѣ, зап. Мошинской (Bajki i zagadki ludu ukraiuskiego, w Krakowie, 1885, 16 u Zbiór, 1885, IX, Dz. etn., стр. 88), этотъ эпизодъ скомканъ.